

Мария
Сакрытина
НИКАКИХ
ПРИНЦЕСС!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С15

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Екатерина Петрова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сакрытина, Мария.

С15 Никаких принцесс! : [роман] / Мария Сакрытина. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези).

ISBN 978-5-17-113298-9

После «долго и счастливо» приключения только начинаются! Над сказочной страной сгущаются тучи, предсказание о Темном Властелине вот-вот сбудется, и Виоле приходится выбирать: мать, которая настаивает, чтобы дочь нашла подходящего спутника и родила наследницу королевства фей; или возлюбленный, который все глубже и глубже погружается во тьму.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113298-9

© М. Сакрытина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПРОЛОГ,

В КОТОРОМ ЕСТЬ АКТЕРЫ, ОТРАВЛЕННЫЕ ЯБЛОКИ,
БЕЛЫЙ КРОЛИК И НОВЫЙ ЗЛОДЕЙ

— ...И кинжалом, что сестры преподнесли
Мне в дар, должна я жизнь любимого
Забрать?..

На последнем слове голос юной актрисы сорвался, а бутфорский нож в тонкой руке дрогнул. Сглотнув, девушка покрепче сжала украшенную фальшивыми сапфирами рукоять и, поймав взгляд лежащего на кровати актера-«принца», вдохнула поглубже. Открыла рот... но поняла, что не помнит ни слова.

Прошла секунда, потом две. На третьей актриса, схватив нож обеими руками, бросила отчаянный взгляд на суфлера..

— Да бей наконец! — раздраженно бросила Изабелла из зрительного зала. Места вокруг нее пустовали.. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: пустовал почти весь зрительный зал: новая владелица главного сиернского театра приглашала на репетиции только избранных — и всех потом кормила своими знаменитыми отравленными яблоками с зельем забвения. Желających проникнуть в ее новое королевство от этого, однако, меньше не становилось. Посмотреть, как низложенная королева ставит слезливую историю о несчастной любви, мечтала вся страна — билеты на премьеру расхватывали быстрее, чем горячие пирожки.

— Ваше Величество... — Актриса откашлялась. — Простите, госпожа, но по сценарию я должна пощадить принца и бросить кинжал в море, а не..

— Да? — перебила Изабелла, быстро-быстро пролистывая сценарий. — Какая глупая пьеса. Правильней было бы выкинуть

в море принца... Попробуй его все-таки разок ударить. Так будет зрелищнее.

— Госпожа, я не думаю... — подал голос сидящий на пару рядов ниже режиссер, но экс-королева только отмахнулась:

— И правильно. Думаю тут я. Бей!

Пожав плечами, актриса картинно замахнулась... «Принц», в нужный момент закрыв глаза, принял нож под мышку, не забыв также картинно вздрогнуть и захрипеть.

Изабелла бросилась к сцене.

— Ну кто так бьет? Ну кто так умирает?! Дай сюда! Нож давай! — И, выхватив бутафорский кинжал у отпрянувшей актрисы, закричала еще громче: — Это что? Ты где это взяла? На кухне? Он же *тупой*!

— Но, госпожа, — режиссер тоже поднялся и заторопился к сцене, — это ведь не настоящее убийство, а воображаемое действо...

Закончить он не успел — экс-королева уже выхватила откуда-то маленький изящный кинжальчик, поймала за ворот бросившегося было наутек актера-«принца» и толкнула его обратно на кровать.

— Смотрите, как надо правильно сердце вырезать...

Незадействованные в сцене актеры, режиссер и рабочие испуганно ахнули. Актер-«принц» сжался, закрыв глаза, чувствуя холодный кончик лезвия у своей груди...

— Вот! — Изабелла убрала кинжал и выпрямилась. — Вот настоящие эмоции. А не то, что вы сейчас изображали. Еще раз, — и протянула ошеломленной актрисе бутафорский нож.

— Госпожа, при всем уважении, — вклинился режиссер, — от текста пьесы мы отступить не будем. Его писал сам Златоуст Крысолов, и его работа была одобрена Его Величеством, поэтому...

— Хорошо, — снова перебила его Изабелла. — Если Его Величество так хочет слезливую драму, пусть подавится. Но экспрессию я все-таки увижу. Ты, — она повернулась к актрисе, — думаешь об убийстве своего возлюбленного. Возлюбленного! Думай об этом с чувством.

— Но я думаю, — жалобно пролепетала актриса. — Я правда думаю. Госпожа, я не понимаю...

Изабелла улыбнулась — той кривой, злой улыбкой, от которой в былое время замирало все королевство, а теперь только главный сиернский театр.

— Да, я забыла сказать, — подавшись к девушке, шепнула она. — Я навестила утром твоего свинопаса... Или кузнеца... Кто он там? Так вот, милый мальчик... Ты получишь его сердце назад, когда меня устроит твоя игра. Так что давай, девочка, старайся.

И, потрепав побледневшую актрису по щеке, Изабелла вернулась в зрительный зал.

— ...К-кинжалом, что с-сестры... — с надрывом раздалось спустя мгновение со сцены.

— Вот, уже лучше, — улыбнулась экс-королева. — Вы все будете делать то, что я говорю.

И хоть актрисой Изабелла действительно была посредственной, вниманием зрителей (сейчас — актеров, рабочих и режиссера) ей в такие минуты удавалось завладеть полностью.

А когда не действовали улыбка и угрозы, в ход шли отравленные яблоки.

Неудивительно, что уже спустя пару дней таких репетиций актеры отправились на прием к королю всем составом, и ни городская, ни дворцовая стража не смогли их остановить. Никто не смог, кроме самой Изабеллы, очень возмущившейся, почему это вся труппа прогуливает репетицию.

А король, говорят, в тот день отсиделся в школе...

Перерыв на обед на этот раз — как, впрочем, и всегда — держали. К концу актриса, игравшая главную роль, билась в рыданиях, избитый ножом «принц» лежал в глубоком обмороке, а режиссер несколько раз бегал за нюхательной солью — три флакончика подряд он умудрился потерять во мраке зрительного зала.

— Ничего, — обнадежила бывшая королева, величественно поднимаясь, — к ночи мы эту сцену добьем. А пока отдыхайте.

«...если осмелитесь» повисло в воздухе. И никто даже не рискнул застонать вслед Изабелле — как бывало в первые дни.

Уже в своем кабинете она позволила себе рассмеяться. Ей определенно нравилось управлять театром. Пусть встретили бывшую королеву здесь холодно: некоторые помнили, как

с первой же репетиции ее с позором выгнал бывший владелец; а некоторые просто злорадствовали над королевой, лишившейся трона... Пусть. Они думали, ей не справиться? Думали, она откажется, бросит и уедет тихо растить сына в далекой провинции? Ха! Изабелла успешно правила королевством и чуть-чуть не захватила мир — неужели ей не покорился бы какой-то театр!

Из зеркала на стене — не волшебного (все ее колдовские зеркала разбил этот лис, пасынок Ромион) — на бывшую королеву смотрела та, что краше всех в Сиерне, а может, и во всем мире. Волосы цвета черного дерева, кожа белая как снег и губы алые, точно кровь... От женщины в отражении невозможно было оторвать взгляд, и Изабелла даже не сразу обратила внимание на еще одно возникшее из сумрака лицо. А заметив, недовольно обернулась.

Сидевший в кресле у двери юноша мог бы стать достойным кавалером для королевы из отражения. Он был красив — хищной, острой красотой, которая пристала злодеям-разлучникам в трагедиях или харизматичным негодяям в комедиях. Темные волосы оттеняли мраморно-белую кожу, а зеленые колдовские глаза притягивали, пробуждая порочные желания и тут же обещающая их исполнить... Изабелла не стала в них долго смотреть. Она откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

— Как неприлично — прятаться в комнате дамы... Чем обязана? — Она сделала многозначительную, достойную театральной примы паузу.

Юноша тоже улыбнулся — за такую улыбку женщины выстроились бы в очередь и отдали бы свои сердца сами... Или показали, как правильно их вырезать.

Изабелла усмехнулась.

— Мне нужна не ты, колдунья. Мне нужен Темный Властелин.

Изогнув брови, Изабелла тихо рассмеялась:

— Темный Властелин? Я не прячу его под столом, мальчик. Так что... поди вон из моего кабинета.

Незванный гость предсказуемо не пошевелился — даже улыбка не поблекла.

— Это правда, что лучше тебя никто не знает, как забрать сердце, человеческая ведьма?

А вот теперь Изабелла смеялась уже искренне.

— И ты, мальчишка, решил забрать сердце Темного Властелина? — Она с улыбкой покачала головой. — Ты опоздал. Его сердце уже отдано другой. К тому же что проку в сердце этого глупца?.. Хотя сияет оно сейчас, конечно, красиво. — Спыхватившись, она снова бросила взгляд на незнакомца. — Уходи, мальчик. Иди, мне нужно работать. И не смей больше вламываться в мой кабинет без приглашения, или я украду и твое сердце.

Она замерла, когда юноша, посерьезнев, нагнул, поднял стоявшую на полу у кресла клетку и поставил ее себе на колени.

В клетке замер белый кролик.

Смертельно побледнев, Изабелла вскочила.

— Томми!..

А юноша, просунув между прутьями палец, почесал дрожащего кролика за ухом.

— Кажется, я нашел твое сердце, колдунья, — спокойно произнес он. — И оно теперь у меня. Сядь.

Медленно, не сводя глаз с клетки, Изабелла опустилась в кресло.

— С твоим сыном ничего не случится. — Юноша постучал по клетке пальцем — *тум-тум*, — и кролик растаял в воздухе. — Конечно, пока ты будешь делать то, что я прошу.

Спустя мгновение пропала и клетка.

— Томми — наследник сиернского трона, — сдавленным голосом начала Изабелла.

— Я знаю, — беззаботно отозвался юноша. — Ты хочешь сказать, что король этой человеческой страны начнет на меня охоту, как только узнает, что его младший брат пропал? Ну и пусть. Ты же не так глупа, колдунья, чтобы решить, что какой-то человек или его волшебники смогут меня хотя бы найти, не то что успеть помочь твоему сыну?

Изабелла спрятала руки в складках платья — там не было видно, как они дрожат.

— Чего ты хочешь? Какой тебе прок с сердца Темного Властелина?

Юноша снова улыбнулся.

МАРИЯ САКРЫТИНА

— Какая разница? Ты просто поможешь мне его добыть. А теперь.. — Он потянулся, взял из корзинки на столике одно из румяных яблок. И под взглядом бывшей королевы с удовольствием откусил кусок. — А теперь расскажи мне про эту «другую».

ГЛАВА 1,

В КОТОРОЙ НА НАГЛЯДНОМ ПРИМЕРЕ ПОКАЗАНО,
ЧТО ПОСЛЕ «ДОЛГО И СЧАСТЛИВО»
ПРОБЛЕМЫ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ

— Ну как? — спрашивает Дамиан.
Я бросаю взгляд на планшет, где мигает ярлык скайпа, приглушаю музыку и честно отвечаю:

— Никак.

— Совсем никак? Но, Виола, я же отправил тебе вчера все решенное задание. Может быть, ты мои заметки не поняла? Или не нашла? Я их в конце каждого решения написал..

Написал. Нашла. Поняла, что почерк Дамиану следует менять. А еще — очень сомневаюсь, что наш математик одобрит выписанную из уравнения пентаграмму с дополнением «из нее очень удобно вызывать анималия, только повернуть на двадцать градусов и вот здесь знак поменять...».

А если быть совсем честной, то я вчера сразу, как получила решения Дамиана, бросила их на стол и забыла — очень не хотелось отрываться от новой приключенческой истории. В итоге роман я «прикончила» поздно ночью с фонариком под одеялом, не выспалась, решения сейчас в первый раз просматриваю, а завтра контрольная по этим чертовым интегралам, и мне заранее плохо...

— Виола? Давай ты подвинешь свое зеркало так, чтобы я тоже видел решения, и мы вместе разберем?

Меньше всего мне сейчас хочется разбирать с Дамианом алгебру. Но когда дело касается синусов-косинусов, то мои руки доходят до них всегда в последнюю очередь, а настроения решать и вовсе никогда нет. Так что какая разница: сейчас или потом?

Сама я точно ничего не пойму... Если вообще заставлю себя за них сесть, а не нырну с головой в очередной роман.

Так что, сжав волю в кулак, поднимаю планшет на уровень глаз — Дамиан видит меня, улыбается. И тут же с тревогой спрашивает:

— Виола, что такое? Ты так выглядишь... То есть ты такая... — Это нормально для Дамиана, когда он смотрит на меня, — заикаться. И я нахожу это очень милым (хоть и раздражает иногда).

— Несчастливая я. — Ветер бросает волосы в лицо, и я машу свободной рукой, отводя их. — Плохо мне. У меня корень не извлекается.

Дамиан моргает. Кажется, он не понимает, как это у кого-то может не извлекаться какой-то там корень, ведь (цитирую): «Это же очень легко!»

— Точно? А тебя там никто не обижает? Виола, точно? Ты только скажи!..

Я сдерживаю смех. В прошлый раз мой конфискованный на физкультуре планшет перешел в режим скайпа прямо на уроке, как раз когда учитель показывал мне, как правильно метать мячи в цель. Планшет стоял на подставке, так что Дамиану, когда он режим камеры включил (или как там у него это в заклинаниях называется?), все было очень хорошо видно. Минут пять (судя по длительности звонка) он наблюдал. А потом, уже после урока — ровно столько времени потребовалось Дамиану, чтобы прогуляться в Астрал и соорудить портал, — он вывалился прямо перед обалдевшим физруком с претензиями. Слава богу, в это время мои одноклассники уже разбрелись по раздевалкам, и мне удалось вовремя вытащить Дамиана на стадион за школой. В итоге я узнала, что ни один мужчина (который не мой отец) уже не может трогать меня за талию и ниже (да ради бога, физрук просто показывал, как корпус наклонить!), а учитель насмотрелся на «этих чокнутых ролевиков» (за кого еще он мог принять Дамиана в одежде этак эпохи Ренессанса?). Я же получила зачет за метание мячей в цель, потому что процесс выяснения отношений закончился именно этим. Нет, вру, он закончился, когда «этот чокнутый ролевик» подхватил меня на руки и утащил за тер-

риторию школы, где я немного остыла. И слава богу, никто, кроме учителя, этого не видел: мои одноклассники торопились на алгебру.

— Говорю. Меня алгебра обижает. Дамиан, спаси меня, пожалуйста. — Надеюсь, получается достаточно похоже на даму в беде?

Наверное, да, потому что Дамиан кивает, задерживает на мне взгляд еще мгновение, потом смотрит на свои записи.

А мне интересно: когда он смотрел на меня, кого он видел?

Дело в том, что, когда папа опомнился (довольно быстро, и трех дней не прошло), он вызвал меня обратно в этот мир и категорично заявил, что закончить школу — мой дочерний долг. А образованию сказочного мира папа не доверяет («Посмотри, что они с твоей мамой сделали!»). И то, что я теперь наследница фей, не отрицает того факта, что «трояк» по математике у меня до сих пор не исправлен. В общем, какие там Зачарованные Сады, какая школа, какие свидания — «Ты, Виола, взрослая, вот и веди себя соответственно». В папиной интерпретации — сиди за учебниками, а потом сдай экзамены в «бауманку». Угу — мечтать не вредно.

В спор вмешалась мама, но папа уже был ученый — он не то что ее больше не целовал, а даже и не смотрел (потому как феи действительно сражают человеческих мужчин наповал одним своим видом). Очень забавно было, когда он высказывал стене свои требования, а мама использовала меня как связную, требуя передать «этому ослу»... много всего.

В результате я хожу сразу в две школы. По очереди — месяц в одной, месяц в другой. Папа договорился с моей директрисой здесь, мама разобралась со школой там. Мое мнение не учитывалось — а мне было что сказать (и до сих пор есть). Не знаю, как это «обучение» будет выглядеть: пока что с первого сентября я пошла на занятия, как раньше; а в мамином мире как раз очень удобно настали каникулы на месяц (целиком поддерживаю начало учебы с октября, пусть везде так будет!).

Так что Дамиан сейчас наслаждается отдыхом, а я тут чахну над математикой.

— Виола, но это же совсем просто! — восклицает он после третьего круга объяснений.

— Это тебе просто, — бурчу я, протыкая график автоматическим карандашом. — Не все же такие умные.

Между прочим, Дамиану потребовалось ровно три дня, чтобы наладить между нами связь, пока я здесь учусь. Наверное, не стоит удивляться — он же, говорят, очень одаренный маг, восходящая звезда демонологии, и все такое. Но когда я пришла однажды домой и нашла его в моей комнате радостно копающимся во внутренностях моего ноутбука... Не то чтобы я удивилась, но именно в этот день мне нужно было готовить проект по английскому... А по закону подлости собрать ноутбук обратно нормально Дамиан не смог: он сделал это, кажется, три раза, и все время одна-две нужных детали или терялись, или оставались лишними. А на папином компьютере, конечно, не был загружен нужный мне словарь..

Ну так вот, возвращаясь к теме внешности. Дамиан меня расколдовал, и я теперь красавица. Папа еще как-то меня узнает, мама тоже, про Роз вообще молчу. Дамиан, естественно, в этом же списке. А остальные о-о-очень удивляются, если узнают, что я — это, хм, я. В связи с чем возникла проблема: в школе папиного мира меня вот уже девять лет помнят и знают жабой. И в такое шикарное преображение за одно лишь лето никто не поверит. Так что мама вместе с моей крестной посовещались и... Нет, не превратили меня обратно — не нужно так плохо думать о моих родственниках. Они только заставили меня снова *казаться* жабой. Всем, кто меня видит, и круглые сутки. Это теперь можно, раз проклятие Дамиан с меня снял. А еще вроде бы они запечатали мою магию, но я об этом ничего не знаю, потому что у меня ее и раньше не было (хотя мама с крестной уверены, что теперь, когда проклятие снято, я стану нормальной феей — а нормальные феи неплохо колдуют).

Так что когда Дамиан вот так задерживает на мне взгляд... Не знаю, мне становится... странно. Я не привыкла, чтобы мной любовались. Я также не привыкла за собой следить. И я честно не понимаю, чем там Дамиан восхищается: уродливой жабой или всклокоченной, невыспавшейся, растрепанной феей?

— Виола, ты меня не слушаешь.

— Нет, слушаю. Просто это так скучно...

— Стыдись, — усмехается Дамиан, — мне потребовалось десять минут, чтобы решить все твои задания, а ты не можешь справиться с ними уже второй день.

Ну, допустим, не второй, а первый. И не очень-то я стараюсь. Скука!

Но мне хочется позлить Дамиана — а незачем хвастаться! И еще очень хочется... хочется его коснуться. Взять за руку, провести пальцем по щеке, взъерошить волосы... Но этого я ему точно не скажу!

— Да, да, я в курсе, какой ты умный и замечательный... Ну не мое это, все эти тангенсы-котангенсы и прочее, не мое, понимаешь!

— Виола, если твой отец хочет...

— Папа меня тиранит, — вздыхаю я. И грустно смотрю на график: он снова похож на лягушку...

— Виола, возьми себя в руки! — Дамиан ловит мой взгляд и не отпускает. — Зачем ты ноешь, тебе это совершенно не идет...

Ответить я не успеваю.

— Это с кем ты разговариваешь? — раздается за спиной, и я поскорее выключаю планшет.

Можно не смотреть — я и так знаю, кто это. Раньше я бы и вовсе прикинулась спящей, а заодно глухой и невменяемой. Раньше мне казалось, что не огрызаться, не замечать подначки — самый правильный выход. Обидчики устанут, им надоест — и они уйдут.

Не уйдут. Серьезно — никогда не уходят. Я знаю, я была жабой шестнадцать лет.

Поэтому я поднимаю голову, оглядываюсь и широко улыбаюсь. Жаль, что все в классе уже привыкли к моей улыбке. А первое время ведь работало... Главное было — вытерпеть, пока они улюлюкать перестанут. А, и не вытащить у них что-нибудь из кармана длинным лягушачьим языком. Не то чтобы я страдала kleptomанией, просто люди обычно моего языка пугаются... Пугались. Феи — а я же теперь почти фея, — наверное, не едят комаров и не ловят мух... языком, да. Так что не доставать мне теперь у обидевших меня нехороших личностей всякие мелочи вроде фигурок героев аниме и комиксов, фишек с покемонами